

Довженко А

1984

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва

11 сентября 1984 г. № 109

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. ДОВЖЕНКО

На Украине широко отмечается 90-летие со дня рождения выдающегося советского кинорежиссера А. П. Довженко. На юбилейные торжества в Киев прибыли кинематографисты из Москвы, Ленинграда, всех союзных республик, из всех стран социалистического содружества, а также из Индии, ФРГ, США и других государств. Хозяева и гости участвовали в открытии выставки в Государственном музее книги и книгопечатания УССР, экспозиция которой рассказывает о вкладе Довженко в сокровищницу отечественной и мировой культуры. Состоялся большой литературный вечер. Прошли митинги, посвященные присвоению имени А. П. Довженко библиотеке № 18 Жовтневого района города Киева и киевской средней школе № 87, где уже много лет существует довшенковский музей.

В воскресенье юбилейные торжества перенесли к берегам очарованной Десны — село Соснича Черниговской области. Советские и зарубежные кинематографисты побывали в домике, где 90 лет назад в семье крестьянина родился А. П. Довженко, посетили сад, где весной этого года высажено 90 яблоневых саженцев, подаренных сосничанам кинематографистами, провели митинги в колхозе, в кинотеатре, в школе, носящей имя А. П. Довженко.

А вчера участников юбилейных торжеств встретил город Чернигов. В педагогическом институте имени Т. Г. Шевченко прошли «Довженковские чтения». В Киеве, в главном павильоне ВДНХ УССР, открыта большая экспозиция, посвященная выдающемуся художнику экрана.

Сегодня в Республиканском доме кино откроется научно-теоретическая конференция «А. П. Довженко — наш современник» и состоится торжественный вечер, посвященный 90-летию со дня рождения выдающегося мастера.

КИЕВ.

Он излучал поэзию и правду

Судьба подарила мне счастье быть знакомым с Александром Петровичем Довженко, возможность общения, увы, недолгого, с этим поразительным художником и незабываемо прекрасным человеком.

Был это 1956 год, работал я тогда оператором на Киностудии им. М. Горького, готовился к съемкам очередной картины. Вдруг — звонок домой. Звонил Александр Петрович Довженко. Можете себе представить, как я был удивлен. Чем могла привлечь моя скромная персона выдающегося кинематиста, можно сказать, живого классика советского кино?

Александр Петрович предложил встретиться, поговорить. Через несколько дней я приехал к нему на дачу. Разговор шел о вещах самых разнообразных. Впрочем, говорил в основном Александр Петрович, интересно, образно, а я слушал и все больше проникался симпатией к нему. Живой ум, эрудиция, принципиальная позиция гражданина, коммуниста — все это сочеталось в нем с поистине детской непосредственностью.

Я уезжал, совершенно плененный этим замечательным человеком и совершенно счастливым от общения с ним. У меня и в мыслях не было, что Довженко как-то связывает со мной творческие планы. Но это оказалось именно так. Мне было предложено стать оператором «Поэмы о море».

Подготовительный период, выбор природы, актерские пробы — во всем этом довелось мне принимать участие, будущим рядом с выдающимся мастером, наблюдая за его работой, помогая по мере моих сил и знаний. Довженко с такой яростной безраздельностью отдавался работе, картине, что вокруг него словно бы образовывалась мощное силовое поле, особая эмоциональная атмосфера, заряжавшая окружающих творческим «электричеством». Он мог в любой момент спросить, к примеру, у оператора: «Какая там дальняя реплика?..», и было стыдно не знать, и мы знали, ибо под воздействием личности режиссера кровно приобщались к будущему фильму.

После тяжелого, предельно насыщенного дня работы с Довженко я приходил домой, ощущая за спиной крылья, и вел себя порой как мальчишка. Даже, когда он говорил: «Послушай, я и жену, как-то заметил? Папа наш стал другой!».

Да, рядом с ним люди преобразились, отрешались от мелочей быта, от пустого и наносного. Он излучал поэзию и правду.

Поражало его неприятие капонов, бурлящий в нем ежесекундно новаторский дух. Он мог прийти с утра на съемочную площадку, где уже выстроены или же накануне утвержденные декорации, и с горящими глазами выложить совершенно новый проект, действительно еще более талантливый и точный. Он даже представлял себе не мог, что возможно поступить с уровнем правды ради экономии одного-двух дней. Бескомпромиссность художника — вот, пожалуй, одно из самых ярких свойств личности Довженко.

Мы вместе ездили на Днепр, на Каховскую ГЭС выбирать природу. Сколько же любви к родной украинской земле было во взоре Александра Петровича, когда глядел он в зеленые, теплые степные дали или на мирную гладь днепровской воды. Да и можно ли так, как он, снять в кино землю родную, не любя ее по-довженковски сильно, нежно, беззаветно!

Он умер, не успев начать съемки «Поэмы о море». Его труд довершила жена и друг Юлия Ипполитовна Солнцева. Стоя у кинокамеры, я ощущал, что дух великого мастера и прекрасного человека незримо присутствует здесь, побуждает всех нас к точности, к правде. Это ощущение и поныне со мной.

Гавриил ЕГИАЗАРОВ,
народный артист РСФСР,
лауреат Государственной премии РСФСР.

ЧИСТЫЕ КРАСКИ ЭКРАНА

О НАШЕЙ матери-Земле этот художник, которому в наши дни исполнилось бы 90 лет, воскалбил торжественно и влюбленно: «Моя твоя, и мы твоя мера: ты прекрасна!».

Мне не раз приходилось говорить и писать об Александре Довженко, удивительном мастере, имя которого произносится с глубочайшим уважением во всех уголках мира. И, думаю, не только потому, что он был и есть великий художник, но, может быть, еще более и прежде всего потому, что ни один из его современников с такой яростной силой и бойцовой хваткой не выступал защитником Земли, ставшей объектом бесчисленного числа живых существ. Земли, ставшей колыбелью человечества и по этой причине, возможно, единственной в своем роде среди иных миров, среди других планет Вселенной... Он, Довженко, за свою жизнь написал и создал множество литературных и кинематографических полотен — разных и под разными заглавиями.

Однако всем его творениям можно без особого труда подписать одно общее имя — Земля.

То теплая и влажная, курящаяся паром, исполненная каждой материнством, то охваченная огнем и полыхающая, задыхающаяся в чаду и копоти, то вновь ожившая, вся в буйном, шальном цветении; то опять в гейзерах взрывов, в дыму, в заревах все пожирающих пожаров и все-таки вечно живая, жизнелюбивая и жизнестоящая — такая она предстает перед нами в довшенковских произведениях.

Земля... Художник видел ее и в горе, и в радости. Была она к нему и ласковой, была и суровой, но он был постоянен в отношении ее. Мудрый сын ее, малая частица, он ни разу не изменил ей.

Один из ранних его фильмов, прозвучавший как бы камертоном для всех последующих его творений, так и назывался — «Земля». Великий фильм! Он жив до сих пор как пример самозабвенного служения искусству, верности революционным идеалам народа. Знаменательны недавние слова видного итальянского кинорежиссера Бернардо Бертолуччи.

Он говорил: «Перед съемками «Двадцатого века» я попросил, чтобы мне показали фильм, который раньше мне увидеть не пришлось. — «Землю» Александра Довженко. Я не знаю, в чем его конкретное «цитирование», но уверен, что он оказал огромное влияние, сыграл огромную роль в процессе моего «раскрепощения», «освобождения» автора по отношению к материалу. Для меня «Земля» Довженко стала сейчас одним из величайших фильмов в истории мирового кино. Как все великие кар-

тины, это фильм пророческий».

А вспомните, каким кадром начинается лента «Щорс»: огромное поле цветущих под солнцем и похожих на маленькие светила подсолнухов, и вдруг над всем этим радостным земным цветением черный султан взрывает... Потом «Мичурин». Ведь это же опять Земля. А потом «Поэма о море», которую с большим основанием и по справедливости следовало бы именовать Поэмой о Земле. И «Повесть пламенных лет» — в ней снова узнаем ту же великую довшенковскую героиню — это опять Земля.

Прочтем строки, набросанные трепетной рукой мастера:

«Раннее утро. На высоком берегу Днепра — украинское село. В неподвижной воде отражаются громады облаков... Спокойные цветущие сады. Купы яблонь окутаны нежными лепестками соцветий. Взрыв. На фоне почерневшего неба дрожат огненные ветви яблонь. Новый мощный взрыв погружает все в темноту...»

«...Земной шар вращался в межзвездном пространстве. Дымилась планета от Нордкапа до Черного моря, а над ее идеальной сферой носились самолеты, извергая из своих чреват тысяч бомб».

Земля. Земля. Земля. О ее прошлом, о ее настоящем, главное же, о ее грядущем — горячие, беспокойные и высокие думы художника. Александр Довженко мерил все земные дела какой-то своей, непривычной для нас, обыкновенных людей, мерой, мыслит необычайно крупно и необыкновенными категориями. Твердо, основательно стоя на земле и, конечно же, не хуже нашего зная ей цену, он мог сам поднимать и нас поднимать над землей с тем, однако, чтобы мы не отрывались от нее, а видели больше, шире, дальше. Думаем, что, не понимая этого, мы никогда не смогли бы понять и природы довшенковского романтизма.

ЛЮДИ, которых природа сделала своими избранниками и наделила редкостным, вроде бы уж и неземным дарованием, всегда кажутся нам, простым смертным, немножко странными, порой даже чужаками. Речи их нередко смущают нас ослепительной новизной заключенных в них мыслей, и мы, не желая либо не будучи в состоянии проникнуть в их глубину, торопливо и испуганно отмахиваемся от них, как от недоброго наваждения. По этой причине, надо полагать, многие делегаты II съезда советских писателей поначалу словно не поняли выступления всемирно известного Александра Довженко...

Бельгий, как лунный, лобастый, со своим беркутиным носом, он подошел стремительно к трибуне и сейчас же заговорил о чем-то таком, что никому, казалось бы, не могло ли в копне сена над зачарованной Десной, дождался переезда и ранним утром появился перед довшенковской хатой, которая в то время была совсем не музейной — ведь прошло всего несколько лет, как он умер.

Что же является главным в жизни и творчестве Александра Довженко для меня лично? Главное — умение выжить самое существенное в могучем потоке жизни и воплотить это в высоких и точных художественных формах. Художественный мир Довженко удивительно оригинален. Каждый фильм, каждая киноповесть, каждая новелла и публицистическая статья обжигают сокровенным огнем поэзии и правды. Сколько раз мне приходилось смотреть «Землю», и каждый раз я не переставал удивляться, насколько безжалостно точно отображено время в этой картине — грозное, громкое, переломное. Насколько публицистична эта картина, до вызова публицистична, а веет от нее духом античности, духом веч-

и в голову прийти в том 1954 году, когда бесконечный ряд сложных и сугубо земных, казавшихся иногда неразрешимыми вопросов стоял перед нами. Он заговорил о космосе, о человеческом разуме, проникающем и уже пронизавшем в немыслимые глубины мироздания, о том, что материализованный разум этот не нынче завтра взмоет ввысь и побратается сперва с Луной, а затем и с другими небесными телами. Он говорил это, а в зале многие слушавшие его, считавшие себя, конечно же, очень умными, очень образованными людьми, снисходительно улыбаясь — куда, мол, это его занесло?! — переглядывались, в удивлении пожимали плечами. Голос мудреца был уже еле различим среди нетерпеливых покашливаний.

Он ушел на свое место в президиуме, сам пожимая плечами, не понимая, отчего так вежливо, хлопками встретили слушавшие окончание его речи, составленную которой в уме и на бумаге он отдал несколько бессонных ночей. Высокий лоб его покрывался испариной, острый взгляд сердито вогнулся в шестнадцатый все еще перешептываемый зал. Довженко хмурился, был не в духе, и понять его можно. Но также можно было понять и тех, кто не понял его речи. Не каждому дано переключиться мыслью своей в завтрашний день планеты по имени Земля — это дано людям масштаба Довженко.

В 1957 году, ровно, стало быть, через три года после того, как прозвучала «Странная», удивившая всех его речь, откуда-то с заоблачных вышей над миром прозвучали легендарные позывные первого искусственного спутника Земли.

Близкое, завтрашнее проникновение в просторы Вселенной привел в тот день не ученый — это было бы естественно, — а художник, более всего, казалось (если иметь в виду все его творчество), озабоченный делами Земли, родной своей Земли, далеко не в планетарном, космическом ее смысле.

Довженко верил в народ, в так называемое простое человечество, верил беспредельно — мне бы хотелось подчеркнуть это слово — и не той снисходительной верой, предполагающей либо барское поощрительное похлопывание по плечу, либо мешанское умиление, а той, какой веришь в подлинного творца жизни. Помнится, сколько споров и нареканий по адресу создателей фильма, а значит, в первую очередь по адресу самого Довженко вызвала сцена, где в уста рядового солдата вложены слова, которые, казалось, впору мыслителю, философу, но не рядовому человеку.

«Кончилась мировая война — говорит, обращаясь к себе и ко всем людям на белом свете, солдат Орлюк. — Стою с автоматом на пороге

новой эпохи и думаю: какую могучую темную силу мы победили, будь она проклята!»

Допускаю, что, выйдя такие строчки и такие слова из-под пера художника иного склада мышления, иного масштаба, а не из-под пера Довженко, они бы могли прозвучать и неубедительно, и даже с фальшивинкой. Но перед нами Довженко, беспредельно искренний Довженко, который может естественно в мыслях своих слиться с народом, коллективный разум коего всегда бесконечно высок и глубок.

«Я не генерал, — говорит далее Орлюк, а мы видим рядом с ним взволнованное, одухотворенное высокой и гордой мыслью лицо Довженко, как бы тихо, про себя, вторящего: «Добре, добре, солдат!» — Я не генерал, конечно, и не маршал — простой сержант Иван Орлюк, колхозник с Приднестровья, обыкновенный, так сказать, победитель в мировой войне...»

Крестьянин, землепашец, волею судьбы ставший Победителем в мировой войне, он уже не обыкновенный, нерядовой, а Великий рядовой. И ему-то художник мог без колебания поручить высказать самые великие думы. Вот в чем дело. И в этом весь Довженко.

Реалистические сцены во всех без исключения созданных этого необыкновенного художника испытывают на твоих глазах удивительные превращения, порой обретают формы сказочные, былинные, вырастают в крылатые символы. В одну минуту, например, ты можешь увидеть раненого солдата, рядом с ним — окопная грязь, кровь, дымный смрад, картина обиденная, граничащая даже с настораживающим натурализмом. И вдруг на наших же глазах мгновенно все меняется, прежнее исчезает, покрывается иной картиной, не картиной будто, а видением...

Едва ли не все произведения Довженко посвящены самым драматическим дням нашей истории. Смерть и разрушения — чуть ли не над всей Землей. Но не смолкает песня, не затихает смех, не угасает любовь — начало всех начал. Жизнь празднует свою победу даже там, где смерть, кажется, готова уже объявить себя победительницей.

Мудрый сын Земли, Довженко платил ей верной любовью. В нем всегда была крепкая крестьянская жилка. Родившись на берегах зачарованной Десны, он понимал красоту природы. Ему нравилось сажать деревья. Теперь яблоня, посаженная Довженко, украшает киностудии в Москве и Киеве, деревья эти помнят руки Александра Петровича, золотые руки мастера, творца, крестьянина.

Михаил АЛЕКСЕЕВ,
Герой Социалистического Труда.

ЧЕЛОВЕК БУДУЩЕГО

В мою жизнь он вошел внезапно. Однажды я раскрыв журнал «Днипро», где была напечатана его блистательная киноповесть «Зачарованная Десна». Я служил в это время в армии, как раз наводил понтоно-мостовые переправы через эту реку — красавицу Десну, а в редкие минуты отдыха читал Довженко. Потом в этом же журнале появились странички его дневников, которые своей достоверностью и печально взволновали мою солдатскую душу. Согласитесь, что «Зачарованная Десна» и дневники — меткие, доверчивые, остренькие — неплохое начало для знакомства с писателем.

Влюбленность в кинематограф, наверное, обозначалась для меня именно тогда — на Десне. Потом в университетские годы и особенно на Высших курсах сценаристов и режиссеров в Москве величие Довженко было осознано полнее и глубже.

Непрерывные споры о его месте в современном кинематографе переполняли наши студенческие годы. Во время каникул вместе с другом мы совершили паломничество из Борзны в Сосничу, ночева-

ли в копне сена над зачарованной Десной, дождался переезда и ранним утром появился перед довшенковской хатой, которая в то время была совсем не музейной — ведь прошло всего несколько лет, как он умер.

Что же является главным в жизни и творчестве Александра Довженко для меня лично? Главное — умение выжить самое существенное в могучем потоке жизни и воплотить это в высоких и точных художественных формах. Художественный мир Довженко удивительно оригинален. Каждый фильм, каждая киноповесть, каждая новелла и публицистическая статья обжигают сокровенным огнем поэзии и правды. Сколько раз мне приходилось смотреть «Землю», и каждый раз я не переставал удивляться, насколько безжалостно точно отображено время в этой картине — грозное, громкое, переломное. Насколько публицистична эта картина, до вызова публицистична, а веет от нее духом античности, духом веч-

ности. Шекспировская амплитуда страстей и характеров была под стать исполнскому размаху этого человека, она задевала многих, она притягивала и отталкивала — равнодушных не было и нет!

Самое главное в жизни и творчестве Довженко — его могучая ренессансная личность (недаром в шуточном распределении ролей между Эйзенштейном, Пудовкиным и Довженко ему выпала судьба быть Микеланджело). Эта личность, этот человек будущего ощущал себя причастным ко всему, помогал одним всей открытостью души и всем упорством характера противостоял другим. Он умел делать это со всей страстностью своей вулканической натуры. И главное, что именно такие натуры и поддерживало переломное время, оно их жаждало, оно пестовало их, а они в свою очередь формировали эпоху.

Как первый поэт кино, по выражению Чарли Чаплина, он ввел в это искусство структуру

мышления песенного, думного, фольклорного, а с другой стороны — цепко, до запата заземляя мышление — вспомнил только, как восполняют недостаток воды в радиаторе трактора энтузиасты-комсомольцы в «Земле», присолил его раблезианской соленостью, заставил горделивую вечность дышать минутным плакатом, лозунгом.

Влияние Довженко иногда прорывается на материках далеких и не подвластных будничной логике. Так в «Прошании с Матерью» Валентина Распутина я чувствую художественную полемику современного прозаика с «Поэмой о море», но вспомним с благодарностью, сколько тревоги о духовности современного человека звучало уже в произведениях Довженко, а потом с вызовом и с чистой печальной силой продолжилось и раскрывалось в прозе Валентина Распутина.

Довженко существует как важнейшее и неотъемлемое звено мировой культуры XX века.

У него была такая дерзкая сила и бесшабашность, такая небесная чистота души, которая могла многое на земле наполнить живой силой жизни, разбегать. Традиции крупного мастера ярче всего, интереснее всего развивают не его, так сказать, прямые исследователи, а новые оригинальные художники, современные блестящие мастера, болеющие теми же проблемами, в огне которых до пепла сгорел имареж. Художника, развивающего традиции Довженко, должны наполнять до глубины души неистовые муки, тяжкие боли и печали вечных проблем, а оригинальные художественные поиски принадлежат только Довженко. Остальное передается как эстафета через века. Этический, нравственный урок Довженко, Человека будущего, ценится так же высоко, как и урок эстетический. Не проходите мимо таких уроков — наша сыновья обязанность.

Иван ДРАЧ.
КИЕВ.